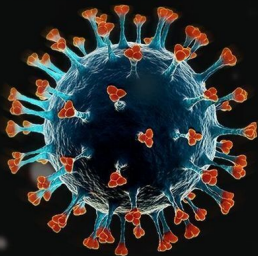

МАРИЯ
БОЖОВИЧ

32 |||

Мнения о

COVID-19

+12

Мария Божович

32 мнения о COVID-19

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099977

ISBN 9785005172952

Аннотация

Мария Божович, журналистка и кандидат филологических наук, в период эпидемии коронавируса опубликовала на сайте «Правмир» серию интервью с известными учеными, медиками и другими экспертами о новом враге человечества. Вместе с читателями Марии удалось пройти нелегкий путь от неверия в серьезность вируса до обсуждения эффективности вакцины и опасения второй волны. Эта книга – попытка вспомнить и разобраться в том, как вирус охватил весь мир, какие проблемы обнажил и о чем заставил задуматься.

Содержание

Предисловие	9
Слово автора	12
МАРТ	14
Коронавирусу все равно сколько народу убить. Почему он опаснее многого, что мы встречали? Интервью с Георгием Базыкиным	15
Борьба с вирусом опаснее, чем вирус?	18
Если бы умирал каждый второй, вакцина была бы сразу	21
Старый грипп и новый вирус	22
Грипп либо заражает, либо убивает. А этот?	23
Заболеть два раза подряд? Вряд ли «Никто еще с таким не сталкивался». Что происходит с туризмом в период пандемии?	25
Интервью с Владимиром Канторовичем Рейсы отменили, границы закрыли. Как россияне за рубежом переживают пандемию коронавируса	29
«Жена улетела за лекарством, и ввели карантин»	36
«На улицах военные, а в Россию нельзя вернуться»	38

«Сутки стояли на границе с Польшей без воды и еды»	40
«Рай хорош, но по чуть-чуть»	41
«Местные жители прятались от нас, боясь заразиться»	42
«Самоизоляция – это еще не главный вызов».	45
Юрий Сапрыкин – о солидарности во время эпидемии	
Многие врачи потеряют здоровье, покой и сон	48
Человек и государство – не обязательно хищники	53
«Мы круглосуточно готовы принимать пациентов». Руководитель реанимации Коммунарки Александр Боярков – о ситуации с вирусом и сценариях	56
В Москве сделано все возможное	57
Опасность заразиться есть всегда	59
Посидите дома без шашлыков	61
АПРЕЛЬ	63
Юра из Уханя и антисептик с вертолета.	64
Антрополог Александра Архипова – о фейках в пандемию	
Где-то есть злодей, который решил всех погубить	66
Розыгрыш, троллинг, дезинформация	70

Кто придумал Юру из Уханя	72
Людей объединяет страх	75
«Что делать, если будет совсем плохо?» Как в изоляции накопить силы, а не тратить их на бесполезную борьбу – интервью с Витой Холмогоровой	79
Попытайтесь нащупать дно. Там ваша точка опоры	81
«Все будет хорошо» и «все будет плохо» – помогут оба варианта	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

32 мнения о COVID-19

Мария Божович

Дизайн обложки, иллюстратор Роман Бабушкин

Редактор, верстка Дарья Руковичникова

Редактор Вероника Мезенцева

Иллюстратор Алена Синелобова

Корректор Виктория Волнухина

Благодарности:

Александр Гаврилов

© Мария Божович, 2020

© Алена Синелобова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-7295-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сайт проекта

<http://32viewsoncovid.tilda.ws>

Издательская платформа НИУ ВШЭ

<http://mmbook-hse.ru/books/44/>

Предисловие

Книга, которую вы собираетесь начать читать, это парадоксальный в своем роде объект. В тот момент, когда она уходит в печать, эпидемия COVID-19 в полном разгаре, лекарство не найдено, вакцины продолжают тестироваться, мировые рынки лихорадит, национальные границы открываются и закрываются, как хлопающие двери салуна, ситуация изменяется ежедневно и ни к чему не приходит, всем хочется если не знать что-то наверняка, так хотя бы верить во что-нибудь и никто не понимает примерно ничего.

Внутри этого хаоса, разумеется, плодятся самые нелепые слухи: желание хоть какой бы то ни было определенности вынуждает людей доверять выдуманном авторитетам, строить конспирологические версии невиданной развесистости (про это внутри книги подробнее и профессиональнее рассказывает антрополог Александр Архипова). В двойном-тройном пересказе даже невинные научные гипотезы превращаются в подробные выкройки шапочек из фольги.

Не помогает делу и всеобщая сетевая подключенность. Ах, где вы, сладкие мечты раннего интернета: вот выйдет наружу ничем более не сдерживаемая правда, разобьет оковы народная журналистика, блоги заменят телевидение и пропаганду смоем потоком истины. В результате технологии привели нас к ситуации, точнее всего описываемой поговор-

кой «Каждый суслик – агроном»: экспертное знание чудовищно девальвировалось, а анализ примерно любой ситуации ведется на основе очень ограниченного инструментария здравого смысла без попыток хотя бы минимального обобщения накопленного знания.

В этой ситуации журналист Мария Божович и портал «Православие и мир» пошли путем чрезвычайно старомодным – и, как оказалось, весьма продуктивным. Божович ищет специалистов в разных областях: вирусологов, эпидемиологов, антропологов, предпринимателей – и спрашивает их о том, как они видят ситуацию с пандемией сейчас и что, по их мнению, случится дальше.

Прямая речь оказывается спасением от снежного кома ужасов. Какой бы страшной и неприятной ни была ситуация в мире, она совершенно точно не так страшна, как то, что выдумывается изумленным сознанием загнанного в угол человека.

Но прямая речь оказывается и проблемой – по крайней мере для журналиста. Это было очень заметно, когда эти интервью начинали обсуждаться в социальных сетях. То нечеловеческое напряжение, в которое погрузила пандемия огромное число людей на планете, требует простого и ясного выхода, а о тонкостях некогда разговаривать. Дал слово эпидемиологу – ясно, ты за этих, которые нам велят в намордниках сидеть! Дал слово автору вакцины – ясно, это ты продался правящему политическому режиму!

Собранные в книгу, эти интервью приобретают новое качество. Возвращаясь к заявленной парадоксальности: пока пандемия только набирает обороты, у нас нет никакого окончательного знания. Когда она уже закончится, мы будем знать все: оказала ли она историческое значение на жителей земного шара, точно ли мы представляли себе течение болезни, какие открытия и снадобья спасли остатки человечества. Тогда наша оптика совершенно переменится и станет исторической: так мы смотрим на Черную Чуму или мировые войны. Но то, что собрано в этой книге – и продолжается в работе журналиста Божович и публикациях Правмира – это не рассказ о точном знании в исторической перспективе, а синхронно вспыхивающие в мозаике кусочки сегодняшних гипотез. Так с прошлым работают археологи, выискивающие в раскопах осколки и выметающие кисточками пыль.

То есть эта книга – одновременно и янтарь для современным комаров, и музей, их для широкой публики демонстрирующий. Совершенно несомненно, что вы, читающий эти строки, уже знаете больше, уже видите четче, а может быть, уже даже поняли сокровенный смысл всего происходящего. Именно в этот момент как никогда полезно вглядываться в археологический материал недавнего вчерашнего дня и начинать сомневаться о том, как наша сегодняшняя картина мира будет выглядеть завтра.

Александр Гаврилов, литературный критик и редактор, организатор премии «Просветитель»

Слово автора

Я по профильному образованию не являюсь ни медиком, ни биологом – у меня нет никаких специальных знаний, которые бы мне позволили с экспертами говорить на эту тему. Я филолог. Тем не менее, удивительно сложилось это время: выяснилось, что на самом деле никто ничего толком не понимает о вирусе и пандемии. Мы все впервые оказались в этой ситуации. И в каком-то смысле эксперты и профаны, как я, уравнились в правах. Можно прийти к врачу, подергать его за рукав и спросить: «Объясните, что у вас тут происходит?» И он скажет: «Дорогая моя, я сам не понимаю, но давай рассуждать».

Для меня это время запомнится навсегда тем, что дало уникальную возможность – общаться с людьми, с которыми я, в силу отсутствия специальных знаний, просто не имею права говорить.

В иерархии журналистских жанров я всегда считала, что интервью занимает подчиненное место, одно из последних. На первом месте всегда стоит журналистское расследование – это и опасность, и грандиозная работа, и огромный объем исследуемого материала. Но вдруг оказалось, что интервью из подчиненного жанра стал основным, ведь у нас нет никаких инструментов для осознания этой новой действительности, кроме как разговор с другими людьми, которые

держат руку на пульсе. И эти разговоры сложились в некоторую картину происходящего.

Я написала в шутку на своей странице в Facebook, что мы все стали понимать, что такое эпидемия и базовое репродуктивное число, как работает ИВЛ. Все мы ужасно подковались отчасти благодаря тому, что не только я, но и все СМИ стали общаться с экспертами. Это совершенно удивительный опыт, за который я благодарна и жизни, и ковиду, будь он неладен, и изданию, в котором я работаю.

Я надеюсь, что эта книга поможет понять и вспомнить, что это было за время. Эта книга – слепок наших представлений об эпидемии, которые существовали полгода назад. Мы прекрасно понимаем, что уже через год все будет совершенно другое. Но мы посмотрим на все эти интервью, как на старую фотографию, и вспомним, как это было.

Мария Божович

МАРТ

Коронавирус, о котором впервые заговорили еще в декабре 2019 года, добрался и до России. В Москве и некоторых регионах страны регистрируют первые случаи заражения. К этому времени количество подтвержденных случаев COVID-19 по всему миру превысило 100 тысяч. ВОЗ называет вспышку заболевания пандемией.

Россия, как и многие другие страны, закрывает не только международное авиасообщение, но и внутреннее. Многие россияне не могут добраться домой – границы закрыты.

Школьники и студенты переходят на дистанционное обучение – мир учится общаться по Zoom. Теперь защитные маски и перчатки стали неотъемлемым аксессуаром каждого жителя планеты.

В Москве и многих регионах страны вводится режим всеобщей самоизоляции и нерабочих дней с сохранением заработной платы. «Оставайся дома» – главный общественный лозунг следующих трех месяцев.

Начинается полномасштабная и затяжная борьба с новым врагом человечества.

Коронавирусу все равно сколько народу убить. Почему он опаснее многого, что мы встречали?

Интервью с Георгием Базыкиным

15 марта, 2020

Фото: Сергея Петрова

Георгий Базыкин — доктор биологических наук, PhD Принстонского университета, профессор Сколтеха, заведующий лабораторией молекулярной эволюции Института проблем передачи информации РАН, эволюционный биолог, — отвечает на вопросы о COVID-19. Стоит ли паниковать, может ли этот коронавирус исчезнуть «сам собой», почему от него нет лекарства, правда ли, что «от гриппа умирает больше народу»?

– Коронавирус из новостных лент перекочевал прямиком в нашу жизнь. Например, друг моей дочери приехал из Лондона, а на следующий день у него была температура 37,5 и сухой кашель. Не без труда удалось вызвать врача из поликлиники, который взял мазок на тест и сказал: «Если через два-три дня не позвонят, значит, все нормально». Так два или три? А если не звонят, то это потому, что тест еще не готов, или

он и отрицательный, или просто забыли? И сколько еще ждать, не выходя из дома? Вопросов много. Как «по уму» это должно быть устроено?

– В начале этой вспышки тестирование занимало неделю. Это долго. Семь дней в ожидании «то ли да, то ли нет» многие дома не высидают. Скорость – это первое. Второе – таких тестов должно быть достаточно много, чтобы каждого потенциально находящегося в группе риска и демонстрирующего симптомы можно было бы проверить.

– Почему не тестировать всех подряд?

– Тест не на 100% надежный. Вы получите довольно большую долю ложноположительных – когда у человека вируса нет, а тест скажет, что есть. Поэтому опираться только на результаты теста нельзя.

Но у нас есть другой надежный метод. Того, кто находится в группе риска, можно карантинировать. Люди это делали веками, до всяких тестов. Приехал из Италии? Самоизолируйся на две недели. Скорость распространения эпидемии зависит от того, насколько часто здоровые контактируют с больными. Любые меры, которые вы можете предпринять, чтобы это число контактов снизить, будут полезны. Китай пошел ва-банк, минимизировав частоту всех контактов, какие можно себе представить. В Ухане и в Хубэе было сделано для этого практически всё, вплоть до того, что где-то людей просто заперли дома: здоровых, больных, рискующих и не рискующих. Этот опыт оказался успешным. У эпи-

демиологов есть такой параметр – базовое репродуктивное число: сколько новых заражений случается на одно существующее. Допустим, я простудился, сколько людей в среднем я заражу той же самой простудой, чихая и кашляя, пока не выздоровею? Если я в среднем заражаю трех человек, то базовое репродуктивное число равно трем.

– Обычный показатель какой?

– Для разных болезней он очень разный. Для сезонного гриппа – около 1,5. Для риновируса, который вызывает простуду, – около 6. Для кори, если мы говорим о не вакцинированной популяции, он очень большой – 12—18. В случае с коронавирусом изначально речь шла о показателе 2—3. В Китае на одну инфекцию случались две-три новые. Если с этим ничего не делать, то будет рост по экспоненте: число инфицированных будет удваиваться каждые 6 дней. Но любые меры, которые вы можете предпринять, чтобы это число снизить, позволят что-то выиграть. Вы ограничиваете перемещение людей внутри города, между городами, кто-то не выходит из квартиры, где-то закрываются школы, часть людей изолируете в больницах – это всё помогает.

Когда китайцы приняли весь этот набор мер, показатель опустился у них ниже единицы. Если человечеству удастся достаточно быстро сделать то же самое на всем земном шаре, то будет очень хорошо. Но то, какие меры нужно принимать, зависит от стадии эпидемии. В начале перекрывать границы может быть полезно, но это потеряет актуальность,

когда у нас начнутся случаи передачи вируса внутри страны. Тогда задачей станет сдерживание эпидемии. И важно, что будет происходить на этой стадии. Насколько эффективно вы выявляете новые случаи, быстро тестируете, получаете надежный результат, восстанавливаете контакты зараженного с другими людьми, изолируете и так далее. А также, насколько эффективно будет справляться ваша система здравоохранения с тяжелыми случаями. Это, если хотите, грандиозная проверка системы на прочность. Но мы можем ей помочь. Соблюдая принцип: заболел – сиди дома.

Борьба с вирусом опаснее, чем вирус?

– При нашем наплевательстве на дисциплину это нереально.

– Трудности возникают даже не только из-за отсутствия дисциплины. Когда вы закрываете город, запрещаете людям выходить на улицу, это не бесплатно. Дети не могут ходить в школу, взрослые не могут ходить на работу. Сейчас мировая экономика сильно упала из-за того, что китайская промышленность замедлилась. Все взаимосвязано, и мы чувствуем это и на себе, в России. Кроме того, это не бесплатно в социальном смысле, в психологическом смысле. Наверное, вы видели репортажи из Китая, как человек не может передать лекарства больной родственнице, потому что не может проникнуть в больницу, которая за кордоном. Одним сло-

вом, есть цена самого вируса, но есть и большие издержки защиты от него.

– Нужно выбирать, какие из них более фатальные?

– Да. И это сложно еще и потому, что у нас недостаточно информации про этот вирус. Например, в ситуации с гриппом очень помогает закрывать школы на карантин – грипп интенсивно распространяется через детей. С коронавирусом не факт, что это сработает настолько же хорошо. Судя по тому, что мы видим сейчас, дети болеют очень мало.

– Кто страдает в основном?

– Общая смертность – около 1—2% всех случаев. Это число сильно зависит от доступности здравоохранения, и в разных местах оно будет разным. Но среди маленьких детей смертность близка к нулю, да и заболевают они редко. А вот если вам 80 лет и вы заразились коронавирусом, то вероятность умереть – уже 15%. Так что, пока непонятно, какие именно меры будут более эффективными. То, что сейчас уже рекомендуется, безусловно, насколько-то поможет, но вдобавок к этому нужно быстро-быстро получать новые данные на этот счет.

– Сейчас Великий пост, потом Пасха – время скопления в церквях большого количества людей, причем именно пожилых. Что делать, отменять Пасху?

– Слава Богу, Пасху отменить нельзя. Но есть многое другое, что можно сделать. Я думаю, что нужно будет стараться избегать необязательных скоплений людей. Каждо-

му из нас уже сейчас приходится принимать такие решения. У меня в лаборатории завтра будет семинар. Сегодня я думал, не провести ли его по скайпу. Решил пока всё же очно, а на той неделе посмотрим по ситуации. Кроме того, я руковожу биологической образовательной программой в Сколтехе, там тоже нужно принимать решение, отменять ли занятия. Опять же в российской, московской, ситуации у нас нет хороших данных о том, что называется «передачей вируса в сообществе». Можно ли сказать, что сейчас по улицам гуляет большое число инфицированных людей? Мы точно не знаем. Поэтому я пока не отменяю, но через неделю ситуация, возможно, изменится. Крупные события, на которые должно было собраться много людей, как вы знаете, уже отменяются, и это оправдано – чем больше людей, тем больше риск, что один будет инфицирован.

– Почему вы говорите, что нет данных по передаче в сообществе? Ясно же, что один человек заразит троих. Разве это не есть ответ на вопрос?

– А сколько людей в Москве инфицированы? Мы не знаем.

– А если полностью закрыть границы?

– Вы можете, например, в 100 раз уменьшить пассажиропоток, но полностью перекрыть сообщение невозможно. Все равно есть дипломаты, еще кто-то, кто должен ездить. Если вы перекроете границу на 99% и у вас по ту сторону границы количество заболевших будет расти по экспоненте, то на ва-

шей стороне первый заболевший появится через две недели. Есть математические модели, в которых это уже посчитано.

Если бы умирал каждый второй, вакцина была бы сразу

– Но все-таки это позволит нам выиграть время.

– Да, это так, и это важно. Почему? Во-первых, мы ничего не знаем про сезонность этой новой штуковины. Возможно, она сама собой исчезнет летом, хотя я сомневаюсь. Основная вспышка вируса ТОРС (SARS), или атипичной пневмонии, произошла поздней весной, а ТОРС ближе всего к новому коронавирусу. Но в любом случае, отодвигая коронавирус на более позднее время, мы разводим его во времени с эпидемией гриппа. Сейчас у нас койки в больницах, аппараты ИВЛ, оксигенаторы и так далее заняты людьми, которые лежат с осложнениями от гриппа. Если на это наложится вспышка COVID, то людей некуда будет класть.

Второе. Лекарства. Вряд ли тут быстро появится что-то новое, но может обнаружиться уже известное лекарство, которое может помочь. Уже идут клинические испытания лекарств, люди пытаются понять, чем можно лечить.

– А вакцина?

– Маловероятно, что удастся создать ее в интересующие нас сроки, хотя все пытаются. Опять зависит от того, насколько будет тяжелая ситуация. Если она будет очень тя-

желая, то какие-то стадии клинических испытаний вакцины можно будет сократить и пытаться использовать то, что уже есть, даже без 100% подтвержденной эффективности. Если бы смертность от COVID была равна 50%, то так бы, вероятно, и сделали. Но поскольку смертность от нее не 50, а все-таки 2%, то нужно думать про потенциальные побочные эффекты.

Старый грипп и новый вирус

– Откуда взялся этот вирус?

– Коронавирусы распространены среди теплокровных животных. На рынке в Ухане, скорее всего, было млекопитающее, от которого произошло первое заражение человека, но что это было за животное, мы точно не знаем. Известно, что исходным хозяином вируса были летучие мыши. Так было и с ТОРС, когда вирус передался от летучей мыши к виверре, а от виверры к человеку.

Вообще, люди часто приобретают новые вирусы от животных. Мы помним свиной грипп 2009 года, и птичий грипп, и MERS – ближневосточный респираторный синдром, который передался людям от одногорбых верблюдов. Человечество – это огромная арена для вирусов, для их деятельности. Естественно, любой вирус, который научится успешно размножаться в людях, с точки зрения естественного отбора будет иметь большое преимущество.

– И как они это делают?

– Вирус обычно не может распространяться в людях в том виде, в каком он передается между дикими животными. Ему нужно для этого приобрести какие-то дополнительные изменения. Например, вирусу птичьего гриппа, чтобы научиться передаваться между млекопитающими, нужно примерно 5 мутаций. В случае с нынешним коронавирусом очень похоже, что случились какие-то важные мутации, прежде чем он начал передаваться между людьми.

– Это правда, что от гриппа и ОРВИ умирают больше, чем от COVID-19?

– Пока правда. От гриппа каждый год умирают примерно от 300 до 600 тысяч человек. Мы все не очень волнуемся, это не в новостях каждый день, только потому, что все привыкли. Но смертность от сезонного гриппа составляет 0,1%. Смертность от этой новой дряни составляет от 1 до 2, а ВОЗ вообще говорит про 3%. Если коронавирус приобретет такое же неконтролируемое распространение, как грипп, то смертей будет гораздо больше. Счет пойдет на миллионы.

**Грипп либо заражает,
либо убивает. А этот?**

– А сам он как-нибудь не сдохнет, как свиной грипп?

– Свиной никуда не сдох. Он остался с нами жить, и возвращается теперь каждый год в виде одного из вариантов се-

зонного гриппа. Но он оказался не таким опасным, как показалось с самого начала, опасность тогда была переоценена. Коронавирус тоже вполне может остаться с нами жить навсегда.

– А сейчас опасность не переоценена?

– По коронавирусу у нас уже гораздо больше данных, чем по свиному гриппу на самой ранней стадии. Данные по смертности, связанные с этим вирусом, уже сейчас довольно надежные. Я очень удивлюсь, если смертность от COVID-19 окажется переоцененной в 20 раз.

– Могут ли произойти мутации, которые сделают этот «ковид» либо безопасным, либо еще более опасным для человечества? Например, он станет смертелен и для молодых людей.

– Мы не знаем. Вирусы, которые сосуществуют с людьми тысячелетия, действительно, в среднем становятся менее смертельными. Просто потому, что вирусу, который существует с человечеством тысячелетия, не выгодно убивать своих хозяев, потому что тогда его потомки не будут иметь возможность вернуться в того же самого человека или его детей и внуков поколения спустя. Но совершенно новый вирус, который заразил 50 тысяч человек, а перед ним еще 7 миллиардов, – ему абсолютно все равно. Не сформировался еще механизм отбора, который мог бы сделать этот вирус менее смертельным.

Ведь как обстоит дело с вирусами гриппа? Они бывают

разными. Бывают такие, которые связываются с клетками, находящимися в горле, а бывают – которые с клетками, находящимися в легких. Если он связывается в горле, я за неделю выздоравливаю, но в процессе заражаю кучу народа. Если связывается в легких, то я мало кого заражаю, но у меня возникает воспаление легких, я могу умереть. Если вирус приспособливается к тому, чтобы больше людей заражать, он, благодаря этому, начинает меньше людей убивать.

Но совершенно нет гарантии, что с коронавирусом будет устроено так же. Может быть, он будет и заражать, и убивать. Предсказывать эволюцию этой штуковины я не берусь. Пока что мы должны победить вирус в том виде, в каком он есть у нас сейчас.

Заболеть два раза подряд? Вряд ли

– У нас может возникнуть иммунитет? Ведь от гриппа-то мы прививаемся каждый год заново.

– Вирус по своему устройству немного похож на планету, поросшую лесом. Корни – неизменяемая часть. А крона с листьями – белки на поверхности вируса – меняются каждый год. Наша иммунная система видит внешние части этих белков. Все эти кроны деревьев вирус может изменить, и, с точки зрения иммунной системы, это будет другой вирус, хотя внутри он не поменяется. Это та причина, по которой мы болеем гриппом каждый год заново. Но наш иммунитет

уже со всеми вариантами гриппа, которые сейчас в человечестве циркулируют, насколько-то знаком.

А этот коронавирус – штука совершенно новая. По-видимому, высокая смертность отчасти связана с этой новизной. Если большая доля людей переболеет ею, то даже если она останется с нами жить и придет заново на следующий год, можно надеяться, что смертность будет ниже, хотя гарантировать это нельзя.

– Один и тот же человек может заболеть два раза, с интервалом в месяц?

– Действительно, были такие сообщения, но я в них не очень верю. Вы решаете, что пошло повторное заражение, когда у вас есть тест, который вернулся положительным, потом есть тест, который вернулся отрицательным, потом тест, который снова вернулся положительным. Но тест не стопроцентно надежный. Если промежуточный вариант вернулся отрицательным, – это, может быть, тест не сработал, а вирус никуда и не девался. Но, впрочем, легко себе представить, что мы сможем заболеть через год чуть-чуть измененным вариантом этого вируса.

– Вам сейчас интересно живется? Ученые и врачи ведь любят новые сложные случаи.

– Коронавирус – не единственная вещь, которой я сейчас занимаюсь, но, конечно, наблюдать эту вспышку в реальном времени с научной точки зрения очень увлекательно. Это самая хорошо прослеженная вспышка, которая у нас когда-ли-

бо была.

Ведь как было со свиным гриппом десять лет назад? Я только что студентам рассказывал. В марте началась вспышка, в июле появились первые надежные данные. А про нынешнюю вспышку мы уже через две недели знали довольно детально, как что происходит. Скорость, с которой сейчас поступают данные, действительно ошеломляющая. Наука уже делается не только в научных публикациях, но и в твиттере, и блогах. Раньше вы получали результат, скрупулезно писали статью, она проходила цикл рецензирования, все вместе занимало год или больше. Теперь же появились общедоступные серверы, куда можно выкладывать препринт. В этом есть свои минусы, но это очень интересно.

– В чем минусы?

– Там может быть написана любая ерунда, потому что никто еще статью не рецензировал. Например, писали, что в геноме этого коронавируса есть фрагмент, «вставленный» из ВИЧ. Или про то, что носителями вируса были змеи. За это хватаются журналисты, появляются фейк-ньюс, потом выходят опровержения, но уже поздно – кто-то уже где-то услышал какую-то ерунду и её распространяет. Но плюс в том, что вы под свое честное имя можете сразу поделиться своими результатами в сообществе. И, кроме того, можно фактически в режиме реального времени следить, как этот вирус изменяется, как распространяются новые мутантные варианты. Допустим, кто-то в Китае, в Италии, в Штатах се-

квенировал новую геномную последовательность и выложил ее в открытую базу данных. За считанные часы становится понятно, куда она ложится на эволюционном дереве, как соотносится со всеми остальными последовательностями, что означает. Это дерево рисуется и сразу же выкладывается для доступа.

– Говорят, что конкуренция в научном мире теперь такая, что ученому нужно как можно старательнее скрывать, что он делает, а не выкладывать свои открытия на всеобщее обозрение.

– Когда ты выкладываешь препринт, то до какой-то степени «столбишь» открытие за собой. Его уже будет трудно потом у тебя увести. Но вы правы, это вечная дискуссия – делиться результатами или скрывать до последнего, чтобы тебя не обошли на повороте. Мне кажется, что надо делиться. Но, возможно, я идеалист.

«Никто еще с таким не сталкивался».

Что происходит с туризмом в период пандемии? Интервью с Владимиром Канторовичем

19 марта, 2020

Фото: freepik.com

Владимир Канторович, первый вице-президент Ассоциации туроператоров России, рассказал о том, что в условиях пандемии будет с туристической отраслью, как поведут себя клиенты и представители бизнеса перед лицом общей опасности.

– Сейчас самое страшное время для турбизнеса?

– Бывало хуже. В 2014 году нас очень сильно потрепало. Спусковым крючком был Крым, конечно. Падение курса рубля и, соответственно, платежеспособности населения, ведь поездки за рубеж привязаны к доллару и евро. К этому присоединился, если помните, запрет на выезд представителям определенных профессий, в первую очередь так называемым силовикам.

В результате операторы забронировали огромное количе-

ство чартеров и гостиниц, проплатили часть вперед, а заполнить места не могли. К тому же они получали от клиентов предоплату за бронирование по одному курсу, а отдавать полную стоимость приходилось уже по курсу в 1,5 раза больше.

– То есть туроператоры выкупают заранее блоки мест в гостиницах и рейсы, а потом из денег, которые они получают от клиентов, это закрывают?

– Да, оператор вперед платит 10—30%, а потом, ближе к прилету самолета, оплачивает то, что осталось. Если задержит оплату, то людей не селят и не обслуживают. К тому же до 2014 года туризм рос, была эйфория, заказывали туров все больше, больше и больше. И как же нам аукнулась эта эйфория! К тому же обвал пришелся на пик сезона.

– А что происходит сейчас?

– Огромный плюс в том, что все [обвал рубля и пандемия коронавируса] началось на нижней точке сезона. Возвращать деньги за нераспроданные места в феврале гораздо проще, чем в июле. К тому же крах 2014 года был исключительно российской проблемой. А сейчас это проблема мировая.

Я не думаю, что итальянские гостиницы приставят российским туроператорам нож к горлу и станут требовать денег. Наоборот, сейчас все гиперлояльны друг к другу, потому что нет никакого дефицита гостиничных мест. Так что страшный сон туроператора – «долг перед гостиницей, долг перед авиакомпанией, не заплатишь – твоих туристов выки-

нут на улицу» – этого сейчас нет.

– Какие-то заграничные туристические направления сохранились?

– Да, порядка 15 стран. В том числе Таиланд. Вы можете полететь туда хоть сейчас, только не факт, что сможете вернуться. Ситуация меняется очень быстро, я знаю немало людей, которые не смогли в срок вернуться из стран, в которых они отдыхали. Но теоретически полететь можно, и кто-то летит. Аэропорты все же не совсем пустые.

– А люди, которые купили себе туры в Италию на май и июнь, они, возможно, никуда полететь не смогут?

– По 14-й статье ФЗ «О туризме», им обязаны вернуть все в судебном порядке. Но, во-первых, таких туристов мало, во-вторых, в судебном порядке возврат произойдет не скоро. С кем-то договорятся о переносе сроков.

Кроме того, мы, Ассоциация туроператоров России, работаем с правительством, чтобы убрали эту вопиющую несправедливость: для туроператоров форс-мажора нет, а для всех остальных – есть.

В одной и той же ситуации туроператор обязан возвращать туристу все до копейки, а авиакомпания не обязана.

Допустим, вы купили туристический пакет в Италию, в который, условно, входит билет 500 евро и гостиница 500 евро. Туроператор вам обязан вернуть всю тысячу в судебном порядке. А авиакомпания туроператору эти 500 ев-

ро возвращать не обязана. Мы по разным законам почему-то живем в одной и той же стране!

Хотя коронавирус – это общий форс-мажор. Ни у кого нет такой колоссальной, запредельной ответственности, как у туроператоров. Когда банкротится банк, то вам гарантируют 1,5 миллиона, а все, что свыше, – это ваши риски. А у туроператоров нет такой суммы, свыше которой ответственность не несется. Сколько бы тур ни стоил, они обязаны вернуть все до копейки.

– Меня удивляет, что в России вообще еще остался организованный туризм. Подавляющая часть платежеспособного населения все-таки пользуется услугами онлайн-сервисов. Визы тоже все делают самостоятельно.

– Количество туроператоров за последние 5—10 лет, действительно, сильно сократилось. Но у туроператоров есть свои преимущества.

Во-первых, если это групповой тур, с чартером и трансфером из аэропорта, то он намного дешевле. К тому же есть много людей, которые не владеют иностранными языками, им нужно, чтобы их водили за руку, иначе им неудобно, как мне неудобно в каком-нибудь китайском городе, где я не смогу объясниться даже с таксистом. Есть еще третья причина: туроператоры возвращают деньги. А попробуйте получить деньги обратно с сервиса бронирования жилья.

– Может быть, из-за эпидемии подрастет внутрен-

ний туризм, и все станут ездить по России?

– Давайте посмотрим, как будут развиваться события. Кто знает, когда закроют внутреннее пространство России для полетов?

Мы видим, что происходит в Европе. Там то ли это быстрее началось, то ли лучше считают, но перемещение внутри европейских стран закрывается. Люди из домов не выходят, а уж тем более не едут в другие регионы без каких-то сильных мотивов. Почему мы надеемся, что у нас этого не произойдет?

А дальше, что касается внутреннего туризма, – посмотрим. Если рубль будет и дальше падать, то на российских курортах цены, конечно, будут немного расти, но не в прямой зависимости от курса евро. А значит, многие туристы могут остаться в России.

– Каковы последствия пандемии – например, через год?

– С одной стороны, когда она закончится, будет невероятный эффект отложенного спроса. С другой – поскольку параллельно с вирусом еще развивается экономический кризис, будет безработица. Покупательская способность граждан здорово упадет.

– Так она во всем мире упадет, тогда и гостиницы, и перелеты подешевеют.

– О, это загадочная история с ценой на авиационное топливо, которая растет всегда, когда растет цена на нефть, и ни-

когда не падает, когда падает цена на нефть. Не знаю, подешевеют ли авиаперелеты, а вот гостиницы – да, могут подешеветь.

Поэтому, когда все это закончится, будут разнофакторные вещи. Будет отложенный спрос, с одной стороны, колоссальный. Будут падения доходов населения, тоже очень существенные. Наверное, введут специальные тарифы, чтобы стимулировать отрасль, вновь приучить людей к мысли о путешествиях. Как быстро рынок будет восстанавливаться, предсказать сложно. Никто еще с таким не сталкивался.

– Вы могли бы сказать, что сейчас хороший момент, чтобы людям покупать себе авиабилеты на потом? На июль, например.

– В такой ситуации рекомендовать человеку купить дешевый билет в июле не могу, потому что дешевый тариф – невозвратный. Я бы немножко подождал.

Я на прошлой неделе разговаривал с главой Росавиации. Мы с ним обсуждали, что сейчас надо бы нам выступить с совместной инициативой: дать возможность, пока эта история не кончится, переносить туры и билеты бесплатно на более поздний срок. Некоторые авиакомпании, например, S-7, уже готовы так делать.

– А вернуть деньги полностью, даже по невозвратному тарифу?

– Но тогда правительство должно компенсировать авиакомпаниям убытки – иначе они обанкротятся, возвращая

нам деньги. Это никому не выгодно.

– В общем, надо в духе времени обнулить все долги, а дальше начать с чистого листа?

– Обнулять все долги, наверное, тоже несправедливо. Кто-то набрал кредитов, и ему все простили? Это, знаете, кому война, а кому мать родна. Просто надо проявлять сейчас какую-то солидарность, не топить друг друга. Поставщик услуг, кто бы он ни был, должен лояльно относиться к туристу, потому что каждый клиент скоро будет на вес золота. Если нет денег, гарантировать, что он этим билетом в Рим сможет воспользоваться вплоть до 2025 года без всяких доплат. Ну и туристу, соответственно, не надо пытаться банкротить авиакомпанию, ему же будет хуже в результате. Самое время начать друг другу помогать.

Рейсы отменили, границы закрыли. Как россияне за рубежом переживают пандемию коронавируса

20 марта, 2020

Заложниками ситуации с коронавирусом оказались сотни российских граждан по всему миру. Все, что они могут сейчас, — ждать открытия границ. Рассказываем пять историй россиян, застрявших за рубежом.

«Жена улетела за лекарством, и ввели карантин»

Федор Сваровский, Черногория:

– Я уже четыре года живу в Черногории, и моя жена все это время ездила туда и обратно, а теперь, наконец, решилась на переезд. Прожила два месяца, отправилась в Москву навестить маму и купить мне лекарства, которые здесь нельзя заказать. Я был против этой поездки. Но поскольку в нашей семье имею репутацию паникера, то малодушно решил

промолчать.

А зря! Жена улетела, а в воскресенье стало известно о карантине и отмене полетов. Мы срочно взяли билет на последний оставшийся рейс Montenegro Airlines. Но выяснилось, что на борт пускают только людей с черногорскими паспортами или с видом на жительство, а его у Кати нет.

У многих была сложная ситуация, даже начальник авиакомпании приехал в аэропорт разбираться. Но какие тут варианты? Никаких. Montenegro Airlines – государственная компания, а у нас в Черногории нестабильная политическая ситуация, и все боятся сделать какой-то неверный шаг.

Плюс никто никогда не сталкивался с пандемией и не понимает, как себя вести. Все страшно перепуганы.

К сожалению, у меня нет документа об инвалидности, хотя я не могу передвигаться без ходунков или инвалидного кресла. Но, даже если бы такой документ мог как-то помочь, не факт, что это бы случилось. Так что единственная надежда, что Черногория сделает поправку на воссоединение семей.

Прошло всего три дня, ситуация меняется ежечасно. В Черногории очень много русских, которые не могут вернуться в Россию. Но сейчас вроде бы договорились на уровне МИДов о рейсах, которые вывезут россиян и привезут черногорцев. Я очень рассчитываю, что на этот рейс попадет и Катя.

«На улицах военные, а в Россию нельзя вернуться»

Александр Гаврилов, Перу:

– Мы собирались вылетать из Лимы, и тут выяснилось, что наш рейс отменен. Я хотел купить места на другой, но, поскольку еще тысячи людей вокруг меня пытались сделать то же самое, сеть быстро легла. Самолеты улетали полупустые, потому что ни у кого не было технической возможности купить билет.

Я видел пару из Австралии, бабушку и внуку, они были в полнейшей растерянности: бабушка по возрасту в группе риска, улететь нельзя, возвращаться некуда. Гостиницы закрываются и отправляют сотрудников в неоплачиваемый отпуск. Какая-то американка в аэропорту говорила: «Мы стоим в очереди уже два с половиной часа, но ведь билетов нет и не будет». В какой-то момент стало страшно. Но потом национальная гвардия в касках и с прозрачными щитами в человеческий рост заняла помещение «для обеспечения порядка» – и наступил момент счастливого фатализма. Стало ясно, что изменить все равно ничего нельзя.

Никакой возможности вернуться в Москву у нас с женой в ближайшее время не будет. Но при этом из Лимы все равно хотелось бежать. Столица Перу с самого начала показалась нам не самым гостеприимным местом: жарко,

на улицах беспокойно. К тому же после введения каранти-на здесь грозили репрессивными мерами всем, кто ходит по улицам не по одному. Никаких особенных жестокостей в итоге не было, военные просто патрулировали улицы и сле-дили за тем, чтобы аптеки и продуктовые лавки были откры-ты, а бары, кафе и рестораны – закрыты. В общем, в Лиме неуютно.

Зато есть тихий, красивый и живописный горный Куско. Мы решили лететь туда, тем более что и жилье там лег-че снять. Но на внутренний рейс билеты тоже купить было невозможно. Система авиабронирования прочно лежала. То-гда я попросил свою московскую коллегу и подругу заброни-ровать нам билеты – у нее хотя бы был работающий интер-нет. И Лена – спасибо ей! – бросила все, купила два послед-них билета, и мы с женой сели в полупустой самолет.

Сейчас мы в Куско. Нам очень помог русскоязычный гид, которого посоветовали друзья. Дело даже не в языке. Я ис-панский понимаю, но это совершенно не помогает искать жилье в чужой стране и ориентироваться в ситуации военно-го положения. Так что на сегодняшний день мой главный вы-вод: деньги важны, но еще важнее человеческие связи и си-стема горизонтального информирования, чтобы люди в без-выходной ситуации не чувствовали себя совершенно беспом-ощными. Если бы не друзья, я не знаю, как мы бы справи-лись. На посольства, авиакомпании, официальные предста-вительства надежды нет.

«Сутки стояли на границе с Польшей без воды и еды»

Мария Петрова, Германия:

– Мы с мужем поехали в отпуск на машине в сельскую Германию. Взяли с собой двух собак. Их не с кем оставить – наши дворняги со сложным характером. На обратном пути подъезжаем к границе с Польшей – и тут огромная пробка.

Мы стояли вместе со всеми фурами, без движения. Ни воды, ни еды – только те запасы, которые были с собой. В туалет тоже не сходишь. Просто огромный кусок трассы. Прошли сутки – и тут мы узнали, что стояли зря. Пускают только граждан Польши, а все остальные – до свидания.

У нас не было интернета, только телефонная связь. Нам помогли, позвонили в российское посольство в Польше, и там сказали: «Оставляйте машину, где хотите, берите билет на самолет, иначе придется ждать минимум 10 дней».

**Пока что у нас есть деньги на гостиницу,
а потом? Мы же не рассчитывали, что столько
времени будем находиться в Германии.**

Мне кажется, что через 10 дней границу не откроют. Была идея ночевать в кемпингах, но сейчас не сезон, там холодно.

Мы сегодня приезжали в посольство РФ в Берлине, но оно с 16 марта закрыто на все замки, а когда откроется – неизвестно. На горячей линии посольства посоветовали поехать

на машине в Швецию, оттуда в Финляндию – и дальше на машине через Питер. Хорошо, что мы их не послушали! С Финляндией границы закрыли на следующий день.

«Рай хорош, но по чуть-чуть»

Руслан Чанидзе, Шри-Ланка:

– Я улетел в Шри-Ланку 10 марта, когда острой ситуации с коронавирусом еще не было. А несколько дней назад авиакомпания Flydubai отменила мой обратный рейс. Сейчас остров не принимает самолеты, только вылетают рейсы у некоторых перевозчиков.

Никакие экскурсии не проводятся, все парки, прогулочные места, достопримечательности тоже закрыты. Но пляж Мирисса, где я отдыхаю, открыт, магазины тоже работают. Мирисса славится экскурсией «Наблюдение за китами», я хотел завтра, на свой день рождения, выйти в океан. Собственно, я для этого сюда и приехал. Но катера в море тоже не ходят. Хотя еще пять дней назад все было открыто и все экскурсии проводились.

Авиакомпания предлагает мне забрать деньги за билеты, но что мне с этими маленькими деньгами делать? Все стыковочные рейсы отменены, пока в Россию летает «Аэрофлот», но ценник неприятный для бюджета, и каждый день цена на билеты растет. Рейс Коломбо – Москва сегодня – 35—40 тысяч. Я свой билет покупал за 28 тысяч туда-обратно.

Мне кажется, в чрезвычайной ситуации такого не должно быть. Ценовой демпинг недопустим в условиях, когда люди не могут вернуться на родину.

Виза у меня сроком на месяц, но я не хочу находиться здесь до 10 апреля. Пока материальных убытков я не терплю. Естественно, переживаю, постоянно проверяю телефон, почту, жду информацию, не могу спокойно отдыхать. Хочется 24 марта вылететь в Москву, хочется оказаться дома в своей квартире. Рай хорош, но по чуть-чуть.

«Местные жители прятались от нас, боясь заразиться»

Тая Евграфова, Перу:

– Мне давно хотелось посмотреть знаменитую долину Наска и Мачу-Пикчу, это путешествие я запланировала еще в ноябре. Накануне особых предупреждений в марте насчет Южной Америки еще не было, опасность пока представляли лишь Азия и Европа. И 7 марта я вылетела в Перу через Амстердам, в аэропорту сидела в маске.

В самый разгар путешествия, когда мы с группой находились на вершине горы Мачу-Пикчу, все 11 россиян и 10 украинцев дружно получили уведомления, что наши рейсы отложены. В этот момент на древней горе было очень шумно. Мы начали обсуждать, как можем добраться до Родины.

Сначала Перу закрыло сообщение, но соседние страны были открыты. Я думала поехать в Эквадор, где живет моя подруга. Но Эквадор закрыли. Обсуждаем Мексику, Мексику закрывают. Говорим о Бразилии – Бразилию тоже закрывают. И мы поняли, что обратных дорог практически не остается.

Поэтому мы продолжили путешествовать и смотреть Перу. Приехали на берег озера Титикака. И рано утром, когда мы должны были плыть на острова, нам объявили: в стране перекрывают сообщение между регионами. Поскольку все экскурсии отменили, мы решили вернуться в столицу – Лиму. Добирались с большим трудом – ехали сквозь плотный туман.

Местным жителям запретили продавать туристам чай, кофе, еду. При виде европейцев они просто прятались из страха заразиться.

Купить что-то можно было лишь на заправках, но там мы могли купить только кофе, воду, йогурты, чипсы, печенье. На таком питании 30 часов мы и добирались в Лиму.

Заселились в отеле, платим за него из своих денег. Находимся на связи с посольством. Нас обещали эвакуировать при первой же возможности. Визовых проблем нет пока, но посольство сказала, что поможет, если мы задержимся дольше. Мы можем находиться в Перу 30 дней без визы, то есть до 7 апреля.

Паники нет, группа состоит из адекватных людей. Все по-

нимают, что это стечение обстоятельств, в котором никто не виноват. Пока ни у кого не возникло и финансовых проблем, но одно дело неделю здесь пробыть, другое – месяц, как будет дальше, я не знаю. Гулять по городу не рекомендуется, только до магазина и обратно.

Дома меня ждут трое детей, младшие сейчас под присмотром старшего сына и его жены. Я за них спокойна, но, конечно, хочется домой, к своим.

«Самоизоляция – это еще не главный вызов». Юрий Сапрыкин – о солидарности во время эпидемии

23 марта, 2020

Человечество оказалось перед лицом гуманитарной беды, для которой нет правых и виноватых, богатых и бедных, начальников и подчиненных. Какие уроки мы можем из этого извлечь? Об этом – журналист, культуролог, руководитель проекта «Полка», в прошлом главный редактор и редакционный директор журнала «Афиша», Юрий Сапрыкин.

Фото: Юрополис / Сергей Карпов

– Мне кажется, ситуация, когда люди по всему миру в одночасье оказались заперты, – это какой-то новый культурный вызов. Какие выводы из него сделать? Возможно, даже положительные, хотя ситуация очень тревожная?

– Мне кажется, это еще не вызов. Ничего еще не началось. То, что мы сейчас переживаем временные неудобства, или пытаемся найти в этом какие-то новые возможности – это все вообще к сути дела никакого отношения не имеет.

Тот вызов, перед которым оказались сейчас в Италии, – это не проблема, чем заняться в дни карантина. Гибнут сот-

ни и сотни людей. И, честно говоря, я не вижу причин, по которым у нас ситуация должна развиваться принципиально иначе. И по сравнению с этим отсутствие гречки в магазине или невозможность улететь на выходные в Черногорию – в общем, ничто.

– Может быть, нет оснований для такого пессимизма? Мы, конечно, сейчас рассуждаем как обыватели, но даже люди, весьма критически настроенные по отношению к системе российского здравоохранения, говорят, что инициативы, в частности, московских властей – в целом правильные.

– Возможно, москвичам действительно ничего особенного не грозит – здесь довольно быстро начали закрывать места массового скопления людей (за пугающим исключением метро), здесь лучшая медицина, здесь технологичный собянинский менеджмент, вообще, это Москва. А что в других городах? Как будут обстоять дела в Улан-Удэ?

Я думаю, что в этой истории так или иначе будут проявлены все базовые параметры. Сверхцентрализация – она и во время эпидемии сверхцентрализация. Если в Москве лучшие театры, дороги и новогодняя иллюминация, то и аппаратов искусственной вентиляции легких здесь будет больше всего, и работать они будут исправно. Но на некотором, довольно небольшом расстоянии, за МКАДом, начинается дикое поле. И в борьбе с эпидемией – я очень этого боюсь – будут те же различия.

– А может так быть, что катастрофа наступит, а мы и не узнаем?

– Здесь вступают в силу другие базовые параметры – скажем так, особенности передачи информации вдоль вертикали власти. Все, что мы видели в фильме «Чернобыль». Страх раскрыть реальное положение дел, даже не потому, что может начаться низовое недовольство, а потому, что страшно прогневать начальство. Вся эта пирамида работает на то, чтобы никоим образом не нарушить покой вышестоящих лиц, вплоть до первого – и сохранить тем самым свое место. Поэтому информация может подвергаться разным непредсказуемым искажениям.

И второй, напрямую вытекающий из первого и точно так же не изменившийся со времен Чернобыля параметр системы – то, что официальной информации никто не верит. И на этой почве начинают расцветать диковинные слухи. Что Москву ночью будут опылять дезинфицирующими веществами с вертолета, что по квартирам ходят люди в костюмах химзащиты и распыляют усыпляющий газ, сведения о пользе водки или бани в борьбе с заразой – тоже вечная тема. Тем более, во времена Чернобыля не было WhatsApp, а сейчас слухи (даже в более спокойные времена) гуляют по родительским чатам, как лесные пожары. И поэтому, как сейчас говорят, «в моменте» будет сложно понять реальную картину. Наверное, для этого нужно, чтобы через 25 лет об этом сняли сериал на HBO.

Вполне возможно, мы на пороге большого общенационального испытания, к которому мы не готовы как минимум психологически – а возможно, и технологически, и административно. Мы его как-то пройдем. Конец света не наступит, в России случались напасти и не такого масштаба. Но мы, конечно, не вернемся в тот мир, каким он был еще в декабре 2019 года.

Многие врачи потеряют здоровье, покой и сон

– Есть такая штампованная фраза «мир не будет прежним». Но в данном случае, это правда. Пандемия, действительно, коснулась всех стран. Есть какое-то совершенное новое ощущение общности, общей беды.

– Это совершенно поразительное ощущение – видеть, как развивается первая на нашей памяти по-настоящему глобальная катастрофа. Есть такое избитое выражение – «чужой беды не бывает», но в обычное время все равно переживать за всех одинаково не получается. Ты всегда кого-то включаешь в свою картину мира, а кто-то остается за ее пределами. Но сейчас происходит буквализация этой метафоры: беда на всех одна, в Нью-Йорке, и в Руанде, и у тебя под окнами происходит примерно одно и то же, может быть, немного в разной динамике.

Другое дело, что проблема общая, но способы ее разре-

шения и последствия будут разные. Уже сейчас они в Китае одни, в Италии другие, в Великобритании третьи. Все зависит от того, какие решения принимают чиновники и эксперты, – и отчасти от того, как работают коммуникации между обществом, чиновниками и экспертами.

Я даже не могу сейчас сказать, где эта коммуникация лучше выстроена – именно с точки зрения борьбы с вирусом. Это такая ситуация, в которой мы не можем сказать, смотрите, как в Китае все получилось ужасно, потому что у них авторитарная власть и человеческая жизнь стоит недорого, а в Британии все будет хорошо, потому что у них демократические традиции. Непонятно, какую роль именно в этом вопросе играют демократические традиции.

Что точно играет роль – это степень доверия к чиновникам и экспертам, а также степень общественной солидарности. Наверное, там, где эти параметры выше, выйти из кризиса будет легче. Мы видим, как в Европе и США общество требует от властей не только запретительных мер – немедленно закройте метро и спасите нас от этого проклятого вируса – но и формулирует свои экономические требования: мы теряем работу, мы разоряемся, нам в одиночку не выплыть. Какими бы вы, чиновники, ни были суперкапиталистами и неолибералами – помогайте. И этот запрос оказывается услышан, мы видим, как на него, не успел он еще прозвучать, реагирует тот же Трамп или европейские лидеры.

Прозвучит ли такой запрос у нас в России и какова бу-

дет на него реакция, я не знаю. Это тоже интересный тест. Что нас обеспечат тестами на коронавирус, я не сомневаюсь, а вот пройдем ли мы это испытание на солидарность – вопрос.

Начальство, конечно, будет пытаться использовать ситуацию обычным образом – в эти тяжелые дни мы должны сплотиться в едином порыве и проголосовать за то и за это. Но почему-то это сплочение понимается как-то односторонне: ок, мы сплотимся. А начальство готово сплотиться с теми, кто прямо сейчас теряет свою работу или отправляется в бессрочный неоплачиваемый отпуск? С теми, кто не сможет из-за взлетевшего курса купить импортные лекарства? С разными необязательными, но уже привычными и необходимыми маленькими книжными магазинами или фермерскими лавками? Я уж не говорю про собственно людей заразившихся и заболевших? В какой форме должно произойти это сплочение, чтобы все эти пострадавшие от кризиса и карантина люди его почувствовали? Мы очень сочувствуем бедам наших нефтяников, у них там все падает и рушится, а они нашим? А лечить нас, в случае чего, тоже будут «в едином порыве» – или сначала тех, кто может «решить вопрос» с главврачом, а потом всех остальных? Это еще и тест на уровень взаимного доверия, конечно – и чем выше оно, тем больше шансов быстро выплыть из этого водоворота.

– Мне кажется, это утопия. Граждане традиционно не доверяют власти, а власть довольно равнодушна

к гражданам. У нас-то в стране точно.

– Посмотрим. Было бы очень странно, если бы начальство в этот момент сказало обществу: «Ну что же, разорились ваши авиакомпании, турагентства, рестораны, кафе, концертные залы и так далее – это ваши проблемы. Вы просто неправильно выбрали профессию. Давайте справляйтесь как-нибудь сами, а у нас тут Конституция, День Победы, нефть, Сирия и прочее». Было бы замечательно, если бы начальство для разнообразия повело себя каким-то иным образом. Оно в какой-то момент должно – я не экономист, и наверное, любой профессор РЭШ за эти слова разнесет меня в пух и прах – но я бы сказал, что наша власть должна стать немногим социалистом. Помочь тем, кто идет на дно.

Но дело даже не только во власти. Есть врачи, например. Сейчас настанет критическая ситуация, когда они будут делать все, что могут, но где-то этого будет недостаточно, и их начнут обвинять в некомпетентности, в обмане, в том, что они лечат не так и не тех. Они будут находиться под очень серьезным давлением общественного мнения. Как этот сюжет будет развиваться в экстремальной ситуации? Это вопрос ужасно чувствительный и болезненный. Потому что, если ты работаешь по 24 часа на передовой, с риском заразиться, а тебе со всех сторон говорят, что ты криворукий костолом, а также жулик и вор – ну, ни к чему хорошему это не приведет.

– **В Испании врачам каждый вечер аплодируют**

на балконах.

– Это замечательно. Но можно даже не аплодировать, достаточно не писать гадости в фейсбуке, не распускать слухи в WhatsApp. Я бы исходил из презумпции, что врачи будут делать все, что в их силах. Многие, наверное, потеряют на этом здоровье, покой и сон. Если они не смогли помочь вашему родственнику – возможно, вот эти конкретные врачи, которые не смогли, виноваты в этом меньше всего. Или виноваты как часть крайне несовершенной системы здравоохранения, с которой мы к этому моменту подошли. Но ведь и система эта тоже возникла и существует с нашего молчаливого согласия.

— Зачем обязательно искать виноватых?

– Это естественная человеческая реакция. Тебе уронили на голову кирпич, и ты, пока еще находишься в сознании, немедленно начинаешь смотреть, кто на тебя его кинул. Но тут вопрос в глубине рефлексии. Стоит ли бросаться на первого человека, который попадаетеся нам на глаза и до которого мы можем дотянуться?

Когда я задаю эти вопросы, я понимаю, что они отчасти риторические, в них заложен отрицательный ответ. А с другой стороны, если проговорить все эти риски заранее, есть надежда, что у нас хватит мудрости вести себя иначе и не срывать на стрелочника, не становиться заложником собственных эмоций, даже если для них будут все основания.

Человек и государство – не обязательно хищники

— Может быть, мы выйдем из этого кризиса с каким-то положительным опытом новой солидарности?

– Если даже так – он дорого будет стоить. Как говорил Черчилль, не могу обещать нам всем ничего, кроме крови, пота и слез. Да, наверное, мы выйдем окрепшими и станем лучше. Но может быть, было бы еще лучше, если бы все остались живы.

– Есть и веселое. Его много, и не только бесконечные шутки про гречку. Я хохотала на днях, когда встретила на YouTube песню преподавателя американского колледжа о трудностях перехода на онлайн-обучение. Он очень смешно переделал песню I will survive, и ее с удовольствием слушали учителя из России. Проблемы у нас, действительно, общие. Мир стал глобален, несмотря на закрытые границы. Меня это радует.

– Меня тоже. Мы все-таки немножко дети перестройки. Когда мы вновь оказываемся в ситуации, где вдруг становятся актуальными какие-то идеологические конструкции, которые грели нам душу в то время, мы испытываем невероятное облегчение. Общечеловеческие ценности, новое мышление, все, за что выступали Горбачев, Саманта Смит и Ка-

тя Лычева. Мы снова, как в детстве, принадлежим единому миру, нет никакого геополитического противостояния, это все Путин придумал или там, Збигнев Бжезинский.

Я сейчас с некоторой иронией об этом говорю, но мы ведь в самом деле верили, что есть какая-то общая гуманистическая, общечеловеческая основа, которая нас всех удерживает вместе на этой планете. И что в экстремальных ситуациях она работает лучше, чем какие-то стратегии взаимного сдерживания, слияния-поглощения и так далее. И что человек или государство по своей природе – не обязательно хищники. Иногда это птицы, которые вместе летят по льдистому арктическому небу и должны друг друга поддерживать, чтобы долететь до цели. Так думаем мы. Но что думают в этот момент decision-makers, или политические акторы, или как их еще называют? Словом, люди, принимающие решения?

К вопросу о принятых недавно решениях. Сейчас опять меня разнесет в клочья любой экономист, но я со своей обывательской колокольни скажу: зачем было в разгар этого, по всей видимости, уже глобального кризиса затевать ценовую войну за нефть? Чтобы выдавить американцев с рынка? Не будет больше никакого рынка. Мы сами зачем-то стреляем себе в ногу в тот момент, когда эти ноги уже гангрена пожирает.

В общем, с одной стороны, есть наш интеллигентский «абстрактный гуманизм», с другой стороны – большая власть и большой бизнес, у которых сознание устроено совсем ина-

че.

– Скажите как человек, делающий проект «Полка», посвященный литературе. У вас есть какая-то книга, которую вы бы посоветовали прочесть или перечитать, потому что она больше всего созвучна сегодняшнему дню? Мой топ-3 – это «Декамерон» Боккаччо, «Пир во время чумы» Пушкина и «Чума» Камю. А какие у вас предложения?

– На самом деле, Альбер Камю во многих отношениях был бы сейчас полезен. Он же писал не про эпидемию и не про бактерии, а про социальное зло – фашизм. И про готовность самых разных людей перед лицом этой чумы сплотиться и преисполниться мужества. Я хотел бы вспомнить книгу не про болезнь, а именно про мужество. Самый очевидный пример – «Властелин колец». Как стать этим хоббитом, который непонятно зачем идет по темному лесу, тащит куда-то это кольцо? Ему больно, страшно, он каждую минуту ждет беды, со всех сторон его подстерегают опасности. Но идти все равно надо. Вот сейчас, по-моему, такая книжка нужна.

**«Мы круглосуточно готовы
принимать пациентов».**

**Руководитель реанимации
Коммунарки Александр Боярков –
о ситуации с вирусом и сценариях**

28 марта, 2020

Фото: like.doctor

Больница №40 в Коммунарке – сегодня одно из самых известных мест в стране. Туда отправляют на лечение людей с пневмонией, в том числе с симптомами коронавируса COVID-19. О том, как происходит госпитализация, кто лежит в реанимации и почему важно работать в команде, мы поговорили с **Александром Боярковым** – руководителем отделения анестезиологии и реанимации больницы в Коммунарке.

– По состоянию на 26 марта у вас было два человека на ИВЛ. Вы ждете какого-то прироста в ближайшие дни?

– Как бы сказать мягко... Оптимизм у нас, безусловно, есть. Большого прироста не ждем, но готовы ко всему, конечно.

– В палатах есть свободные койки?

– Конечно, есть. Про другие больницы не скажу, но мы на-

ходимся в режиме круглосуточной готовности и готовы постоянно принимать пациентов.

– Но порядок госпитализации, как я понимаю, изменился?

– Согласно приказу, который действует с понедельника, госпитализируются только пациенты в группе риска – беременные и пожилые, с серьезными симптомами. Все остальные самоизолируются, в том числе от членов семьи.

– Если больной находится в группе риска, его привозят в Коммунарку и на месте сразу сделают тест?

– Если врачебная бригада определяет, что пациенту требуется эвакуация, то по нашему стандарту мы обязаны проводить тесты. Это трехступенчатая процедура, она проводится на первый, третий и десятый дни пребывания. Два отрицательных результата – критерий для выписки.

В Москве сделано все возможное

– Недавно группа ученых смоделировала закономерность, как может распределяться нагрузка на ИВЛ при условии взрывного роста заболевания. Они пишут, что «если не удастся сплющить кривую», то прогнозируемое количество больных на один ИВЛ составит от 7,4 в Ханты-Мансийском округе до 210 человек в Калужской области, где выше плотность населения.

– Понимаете, все эти гипотезы, расчеты по теории вероятности – может быть или не может быть... На сегодняшний день существуют два сценария: итальянский, тяжелый, и китайский – скорее неплохой. Но мы можем пойти своим путем. Может быть, наш результат будет даже лучше.

Сегодня, мне кажется, мы, уже имея пример Италии перед глазами, делаем выводы и находимся на шаг впереди. Они ведь сначала не верили в опасность, гуляли на карнавале. А мы заранее стали готовить стационары к приему больных. Мне кажется, что в Москве сейчас сделано все возможное.

– Все же нам несказанно повезло, что стационар в Коммунарке был фактически готов к сдаче в эксплуатацию?

– Стационар готовился к плановому открытию в середине марта – в начале апреля. Персонал был практически набран. В какой-то момент экстренно было принято решение, что, по сути, это идеальное место, чтобы начать бороться с возможной готовящейся эпидемией. Больница была развернута максимально быстро. Конечно, в первые дни нам помогали другие стационары, в том числе все московские. Если нам требовались дополнительные силы, мы с чем-то не справлялись, нам всегда помогали.

Не только наша больница, но и другие, все мы вместе – команда. Такое впервые в моей практике и очень мне импонирует.

– При этом больница в Коммунарке является чем-

то вроде ресурсного центра для других клиник? Вы обучаете их, проводите тренинги.

– К нам приезжают из других стационаров, смотрят, как у нас организован процесс, и понимают, где и что нужно до-работать. Все учатся в режиме реального времени, потому что никто из нас не сталкивался с пандемией. В начале прошлого века мы не жили, испанку не застали.

Опасность заразиться есть всегда

– Каким образом вы попали на работу в Коммунарку?

– До февраля я работал в другой больнице, а дальше предлагалось, что здесь, в 40-й, я буду заведующим отделением анестезиологии. Но то, что это случится внепланово, стало, конечно, сюрпризом. Впрочем, в профессии анестезиолога-реаниматолога редко все идет по плану, поэтому мы всегда ко всему готовы. Если происходит какая-то беда, неважно где, – ты должен приехать помочь. Четко работать по расписанию не получится. На заводе в шесть часов вечера прозвенел звонок, а у нас плановая операция продолжается. Эта работа – точно не только для зарабатывания денег.

– В чем для вас сейчас главный драйв вашей работы?

– Смотрим на пример европейских соседей, как там анестезиологи смогли сплотиться и организовать. Хочется

и здесь работать так же или лучше. Выраженное командное чувство в непростых условиях – это здорово.

– А заразиться от пациентов не боитесь?

– Такая опасность есть всегда, не только сейчас. Но в своей рутинной, ежедневной практике мы все же работаем, имея более низкий класс защиты. А сейчас у нас костюмы, респираторы, маски, две пары перчаток, в так называемой грязной зоне – то есть в палатном корпусе, – мы их не снимаем.

– Как складывается ваш рабочий день?

– Приходим, переодеваемся в нашу стандартную медицинскую одежду, затем происходит конференция, если нет дежурства. После этого идем на свои рабочие места – либо в приемное отделение, либо в реанимацию. Принимаешь пациентов, проводишь скрининг, определяешь место, куда будет транспортирован пациент. Назначается терапия, необходимые исследования. Но вот сегодня я был в основном в отделении реанимации. Туда пациенты не поступают, а переводятся из отделения.

– Сколько больных сейчас в реанимации? Вот те самые 2 человека на ИВЛ? Еще кто-то?

– Состав пациентов в реанимации все время меняется – кто-то переводится обратно в палату, поступают новые. Сегодня было в общей сложности 10 человек среднего и старшего возраста. Но кстати, из тех, кто сейчас находится у нас в реанимации, – минимальное число с коронавирусом.

Посидите дома без шашлыков

– Какие основные симптомы коронавируса – сухой кашель, температура 38⁰ и больше, что еще? Говорят еще про расстройство желудка.

– Это в редких случаях подтверждается, согласно даже мировой статистике.

– Люди сейчас очень много спорят о том, что можно и чего нельзя. У многих маленькие дети, и усидеть с ними дома очень трудно. Можно ли гулять подальше от больших групп людей – или все равно не надо?

– С моей точки зрения, лучше не надо. Если помнить про металлические поверхности, на которых, по разным данным, вирус живет от 9 до 12 часов. Говорили даже про 48 часов, хотя это уже совсем сюрреалистично. Раз уж дали возможность эти девять дней посидеть дома, то, наверное, нужно посидеть дома, без шашлыков, вечеринок и массовых прогулок. Вот я сейчас еду домой с работы через Южное Бутово – и вижу, что люди гуляют повсюду большими группами.

– Главное ведь, чтобы пожилые не гуляли, да?

– По европейскому опыту, дети болеют этим вирусом редко, справляются с ним легко, зато сами являются переносчиками. Например, дети любят нажимать кнопки в лифтах, а следом войдет пожилой человек и, ни о чем не подозревая, нажмет ту же кнопку. Знаете, что придумали китайцы? Они

приклеили поролон на двусторонний скотч в лифтах, вставляли в этот поролон зубочистку, нажимали ею нужную кнопку этажа, после чего выбрасывали. Идеальная находка!

АПРЕЛЬ

Менее чем за месяц вирус настиг более одного миллиона человек в мире, в России – более 106 тысяч человек. Ведущие ученые, медики и эпидемиологи мира разбираются в симптоматике, способах передачи и методах лечения новой болезни.

Продолжаются вывозные рейсы россиян из-за границы – все прибывшие проходят двухнедельный карантин. В России вводят штрафы и уголовные наказания за нарушения карантина и распространение фейков. В Москве объявлен пропускной режим.

В стране регистрируют новые тест-системы коронавируса и иммунитета к нему.

Президент сообщил о дополнительных выплатах медперсоналу за особые условия труда и повышенную нагрузку – до 80 тысяч рублей.

Юра из Уханя и антисептик с вертолета. Антрополог Александра Архипова – о фейках в пандемию

1 апреля, 2020

Фото: RFE/RL

«Мы живем в такое время, когда исследователи фейк-ньюс точно не останутся без работы». О том, почему в трудные времена есть массовый спрос на слухи, страшилки распространяются с огромной скоростью, а непроверенная информация имеет все шансы попасть в топ новостей, мы поговорили с антропологом, фольклористом, старшим научным сотрудником РАНХиГС и одним из авторов книги «Опасные советские вещи» **Александрой Архиповой**.

– Еще недавно мы наблюдали два типа реакции на пандемию: «Караул, у нас будет как в Италии» и «Все это паника и пиар». Середина встречалась не так уж часто.

– Я бы сказала, что группа, которая говорит «караул», делится на две подгруппы. Одни – настоящие паникеры, которые уехали на дачу, заперлись и ждут апокалипсиса. Другие не боятся ничего лично для себя, но призывают окружающих соблюдать новосложившееся общественное благо, при котором ограничение твоих личных свобод – залог спасения

неизвестных тебе людей.

Но, вы правы, есть большая вторая группа людей, которые отрицают само наличие опасности. Среди них есть конспирологи, которые говорят, что коронавирус – это медийный заговор, и сторонники «теории», что мы все уже переболели коронавирусом осенью и сейчас у нас иммунитет. Поэтому не надо поддаваться панике, разрушать экономику и социальные связи. «Теория» эта сама по себе не только ошибочна, но и опасна – люди, которые так рассуждают, разрушают карантин вокруг себя.

– И скептики, и паникеры имеют какую-то свою, на глазах формирующуюся мифологию?

– Конечно. На самом деле не первый раз в истории это случается.

У нас на глазах сейчас происходит пересборка понятия «общественное благо». Она на самом деле крайне болезненна. Для того чтобы спасти пожилых людей, потенциально находящихся в группе риска, я должен сидеть дома, лишиться работы или перестроить ее, у меня на голове будут прыгать дети, которые не могут выйти на улицу и т. д. Похожая массовая переоценка «общественного блага» происходила в Англии в 60-х годах XIX века во время борьбы за вакцинацию (против оспы). Сторонники прививки говорили, что ее сделать необходимо, для того чтобы защитить не только себя, но и вообще всех граждан. Для убеждения граждан в необходимости и безопасности прививки королева Виктория по-

казательно вакцинировала своих детей.

Тем не менее, многие люди отказывались прививаться, говоря «мои дети – мое дело», а «общественное благо» – это нечто призрачное. Битва разыгралась, как мы это знаем, нешуточная. Были бунты. Английское правительство три раза повышало штрафы за отказ от вакцинации, а потом началось уголовное преследование. Только очень суровые меры остановили поток отказчиков.

Это была одна из первых массовых дискуссий, которую я знаю, связанная с переосмыслением общественного блага в ситуации болезни и эпидемии: готов ли я сделать что-то, что спасет неизвестных мне людей и что чревато некоторыми неудобствами и рисками для меня самого? Сейчас мы наблюдаем очень похожую пересборку.

Где-то есть злодей, который решил всех погубить

– Про прививки, как мы знаем, существует множество фейков. А про коронавирус? Мне кажется, самая распространенная страшилка «партии паникеров» – про вирус из китайской лаборатории. Страх заморской инфекции – это же что-то очень древнее.

– В человеческой культуре существует извечный страх чужого, это одна из немногих вещей, которые универсальны. Как правило, этот самый чужак может заражать своим телом,

которое в прямом смысле опасно и ядовито для нас. Когда в мире началась эпидемия ВИЧ-инфекции, в СССР стали бояться «заразных» иностранцев. Одна моя финская коллега вспоминала, как их, иностранных студентов в Киеве, подзревали в том, что они являются разносчиками болезни.

XX век нам сильно добавил ужаса еще и потому, что люди начали бояться химического и бактериологического оружия. Еще в Первую мировую войну стало ясно, что убивать можно не с помощью железа и стали, а просто потравив всех хлором. А значит, гораздо эффективнее воевать не на поле боя с помощью пушек, а ядом и заразными насекомыми. Из уроков истории мы все знаем про реальные разработки бактериологического оружия в Америке, Советском Союзе, Японии во время Второй мировой войны. Но в то же время любому здравомыслящему человеку понятно, что бактерии-убийцы контролировать невозможно. Чума или сибирская язва в конечном счете заразят всех, а не только врагов.

– Многие люди говорят, что нынешний коронавирус разработан для массового убийства. Бытует еще более мягкий вариант, что вирус случайно покинул пределы лаборатории, потому что, например, лаборант упустил мышь.

– Да-да-да, это подспудно живущая в массовом сознании вера в тайные лаборатории, а также в образ mad scientist – безумного ученого с тайной колбочкой, которую случайно разбили и всех заразили.

На самом деле перед нами – метакогнитивные искажения, то есть, попросту говоря, искажение нашего «знания о знании». У человека есть две области незнания. Он может представить, чего он не знает. Быстро ответьте на вопрос, как называется столица Тайваня? – «Я не знаю», точнее, *я знаю, что я не знаю*. Но есть и другая область незнания, про которую мы не так легко понимаем, чего мы НЕ знаем. Так, человеку, далекому от науки, сложно представить себе, как устроена мутация вирусов и их переход от животного к человеку, а потом от человека к человеку. Он не знает, чего он не знает, чтобы адекватно воспринять медицинскую и биологическую информацию.

В результате эта вторая область незнания заполняется простой и, как правило, биполярной картиной мира – например, где-то есть злодей, который решил всех погубить.

Так нам в голову приходят вечные фольклорные сюжеты, которые легче, стройнее, нагляднее объясняют, что происходит.

– В этом и состоит ужас фейка. Искаженная картина гораздо изящней и проще, чем реальная, поэтому разубедить людей, не имеющих специальных знаний, почти невозможно.

– Конечно, требуется признать собственное незнание и провести больше когнитивной работы. Но давайте я вам дам общий ответ в виде метафоры. Представим себе, что вся

эта история с распространением фейков – это некоторый паровоз, который мчится по рельсам. Рельсами – тем, что определяет вектор движения, – является тот самый набор упрощенных фольклорных и полуфольклорных моделей. Топливо – это недоверие к официальным источникам власти. Оно в России очень сильное, поэтому наш родной паровоз мчится быстро. А машинист – это наше эволюционное свойство в ситуации опасности объединяться и друг друга предупреждать, в том числе с помощью сплетен и слухов.

Известный эволюционный психолог и антрополог Робин Данбар провел очень известное исследование о том, что у разных сообществ приматов существует понятие социального груминга. Между обезьянами существует групповой тактильный контакт (они гладят, вычесывают друг друга) не просто так, а чтобы упрочить социальные связи и иметь группу поддержки. Если ввести обезьян в состояние стресса, у них груминг проходит сильнее.

– А при чем тут люди?

– Данбар считает, что развитие языка – это груминг второго порядка, который позволяет поддерживать больше связей.

Один из видов социального груминга – сплетня. Он измерял типы сплетен и их количество в повседневной жизни рядовых американцев. Что они обсуждают в баре после работы. Большинство, например, сплетен – это good advice, то есть хорошие советы, как правильно сделать то-то и то-

то. На втором месте – обмен опытом. А есть еще сплетни про free riders («безбилетников») – это бесконечные истории про людей, которые нарушают в свою пользу принципы общественного блага: не платят налоги, но пользуются госмедициной, отдают детей в бесплатную школу и так далее.

Дальше, согласно исследованиям Данбара, выясняется, что в ситуации опасности и разобщения людей сплетня выполняет роль социального консолидирующего сигнала: «Я – такой же, как вы, мы поддержим друг друга, и в доказательство я готов поделиться с вами важной информацией». Обмен слухами и фейками является частью таких сплетен.

То есть сейчас, когда все наши социальные связи распадаются – мы не ходим на работу и даже в магазин, дети не ходят в садик, – желание консолидироваться еще сильнее. Это тот рычаг, который управляет нашим поездом.

Розыгрыш, троллинг, дезинформация

– В моем советском детстве была легенда про спецотдел ЦРУ, который придумывает анекдоты про Брежнева. Откуда берутся нынешние фейки? Как они рождаются?

– Может быть, в результате ошибки, как в случае с поручиком Кижее. Все помнят, что писарь допустил опisku – и на свет появился несуществующий поручик, который совершил много подвигов.

А может быть, это розыгрыш, как в той катастрофе со школьным расстрелом в Керчи. Был один мальчик 14 лет, который решил потроллить свою маму. Он взял фото красивого, мускулистого человека, который якобы героически спасал детей, закрывая их своим телом, опубликовал эту историю «ВКонтакте» и показал маме. Она приняла это за чистую монету, перепостила на «Одноклассниках», сопроводила свечами. Кто автор этого текста, мальчик или мама? Они оба, плюс все остальные, кто приписывал этой истории еще какие-то новые детали. И она пошла гулять, потому что легко укладывается в рамки определенной модели восприятия: что теракт – это очень страшно, мы не знаем, как себя защитить, это может случиться когда угодно и где угодно, но есть герои, которые будут спасать наших близких.

К розыгрышам относятся и некоторые обманные сообщения про пропавших детей. От этого очень страдает «Лиза Алерт». Например, в Казахстане однажды группа мальчиков решила потроллить своего одноклассника и сделала фейк о том, что он пропал. Это широко разошлось, потому что все боятся, что дети потеряются, все чувствуют необходимость эту информацию передавать.

Наконец, возможна намеренная дезинформация – это когда, например, начальник британской разведки Чартерис в Первую мировую войну распространил леденящую душу историю про подземные фабрики, на которых немцы якобы перерабатывали трупы собственных солдат на мыло и удоб-

рения. Эта страшилка нужна была Британской империи для втягивания Китая (где очень уважительно относятся к мертвым) в войну.

Кто придумал Юру из Уханя

– Один из фейков нашего вирусного времени – письмо Юры из Уханя. Как он устроен?

– Как правило, есть какой-то бит информации, и дальше люди вкладываются в передачу этой информации по цепочке, каждый добавляет что-то свое. Это «письмо из Простоквашино», которое дописывает каждый, кто проходит мимо, и цепочка достраивается.

Интересно, что фейк существует на разных языках. Есть миланский вариант, есть нью-йоркский вариант, когда некий врач, в российском изводе это Юра Климов, работает в больнице Шэньчжэня и сообщает нам инсайдерскую информацию про новый вирус.

В первоначальном варианте, например, сообщалось, что он «погибает при температуре 26—270», что является бредом. Температура человеческого тела 360. Дальше: «Зараза просто падает на землю, летать она не может». На какую землю? Это что, камушек? Дальше, про меры предосторожности: «В дополнение к частому мытью рук вы можете полоскать горло бетедином, чтобы устранить и минимизировать действие микробов».

– Каких микробов?

– Вот именно, каких микробов, если вирус? Но высмеивание не уничтожает фейк, а создает ему апдейт. Появляется новая версия, и в этом новом тексте уже написано, что вирус погибает при температуре 500. Рассылка не остановилась, просто текст изменился.

Каждый, кто передавал этот слух, добавлял что-то от себя. Такие цепочечные фейки возникают крайне часто, в отличие от вброса. Вбросом я называю появление мало изменяемой информации, которая, как правило, быстро возникает и быстро исчезает. Цепочка живет долго, и каждый к ней присоединяет новое звено.

– Фейк – это тот же мутирующий вирус, только информационный.

– У коронавируса есть щупы, которыми он разрушает клеточную мембрану. У фейков тоже есть разные способы прикрепляться к носителю, к человеку. Например, можно сослаться на институт власти: «В госпитале сказали, что...» Или, например, когда была паника по поводу наркожвачек, родители в чатах рассылали предупреждения, часто предваряя их словами: «Фото с МВД прислали», – и дальше какое-то размытое фото. Или можно сослаться на «друга, который слышал от друга» и так далее. Фейк про вертолеты, которые по ночам опрыскивают город, начинался словами: «Жена служащего из военной части передала».

Бывает еще третий вид передачи фейка – такой гибрид,

когда это не просто какой-то знакомый знакомого, а знакомый знакомого из непонятного института власти. Это и есть случай Юры Климова – «нашего» человека, который работает в больнице в Ухане.

– Но моя любимая история – про то, что вирусом болеют уже 10, 20, 30 тысяч человек. Причем даже уважаемые политологи в уважаемых СМИ про это рассказывают.

– Да, этот фейк появился 2 марта, давайте послушаем, у меня есть аудиозапись. (Открываем звуковой файл, в компьютере звучит женский голос, Александра начинает комментировать.)

«Леночка, добрый вечер. У меня не очень хорошие новости, но очень хочется уберечь всех-всех дорогих мне людей».

(Слышите доверительную интонацию?)

«Я решила сделать рассылку среди клиентов, хочется как-то сказать».

(Это классическая friend-communication – когда человек как бы обращается к другу.)

«Тот же распространи информацию максимально, раз наше правительство не хочет нас информировать об этом, значит, будем мы друг друга информировать о просочившейся информации. В Москве 20 тысяч заболевших коронавирусом».

(Смотрите, доверительная информация внезапно сменяется учительским назиданием. В живом спонтанном разговоре такая смена риторики крайне маловероятна.)

«Ходим в масках, не ходим в места скопления людей, никуда не ездим, бережем друг друга, бережем наших близких. И запасаемся продуктами. К сожалению, говорят, что будут пустые магазины. Информация более чем достоверная. В Италии передают о том, что у нас заболевшие, а у нас не передают, для того чтобы мы Конституцию приняли...»

Словом, наш паровоз хорошо бежит по рельсам, мы топим его нашим недоверием к властям, каждый из нас беззащитен, поэтому нам нужно объединяться и распространять подлинную информацию. Цепочка фейка все наращивается и наращивается.

Людей объединяет страх

– Недоверие к власти и ее информации характерно для всех обществ или только для России?

– В России доверие к институтам власти падает. Когда мы говорим «институты власти», это не обязательно политический лидер. Это медицина, суды. Мы не доверяем им и опираемся на свои так называемые слабые социальные связи. Если у человека, например, болит зуб, он не идет записываться на госуслугах к зубному, а ищет знакомого, который пореко-

мендует врача, или спрашивает в фейсбуке.

Такой эффект есть в других странах, несомненно, но все-таки степень доверия властным структурам там повыше. Например, в одном шведском городке, где я некоторое время жила, прошел очень популярный слух о том, что нашли ребенка с украденной почкой. Дескать, лежал он в кустах, у него вырезана почка, в руках записка: «Спасибо за почку». Жители кинулись в полицию. Полицейский пришел в школу через два часа и сказал: «Ничего не подтвердилось». На этом вопрос был закрыт.

В Израиле немного иначе. Там не думают, что власти скрывают информацию, но считают, что власти все делают неправильно. Это обвинение не в сокрытии, а в некомпетентности.

– Как вы относитесь к тому, что предусмотрено наказание за распространение ложной информации о количестве заболевших?

– Но вообще-то у нас есть закон о фейковых новостях, принятый год назад или больше. В первом чтении необходимость этого закона была мотивирована массовыми протестами в Кемерово, которые подогревались слухами о том, что скрывают реальное количество погибших в пожаре.

Представителям власти часто кажется, что фейки потенциально опасны, в них есть какой-то зародыш протеста. Хотя на мой взгляд, гораздо более опасная вещь – это рассуждение о том, что коронавируса нет или что он не опасен.

Закон о фейковых новостях у нас при этом применяется пока очень мало и выборочно, но за последние недели гаечку явно решили подкрутить – возбуждены дела против трех человек. Им, скорее всего, присудят штрафы (максимальное наказание – 300 тысяч).

– Мы начали разговор с того, что есть паникеры и есть скептики. И у каждого из них есть свой массив мифов, слухов и фейков. У паникеров они обычно страшные: уже сейчас болеют десятки тысяч, пораженные вирусом легкие сгорают, как спичка, слепой афонский старец предсказал страшные беды и так далее. Почему людям нравится бояться?

– Есть знаменитое исследование, которое провели когнитивные психологи Крис Белл, Чип Хит и Эмили Стенберг. Они выдвинули так называемую теорию негативного селективного отбора мемов: мы запоминаем гораздо лучше то, что вызывает не просто отрицательные эмоции, но ужас и страх.

В 2018 году исследователи из Массачусетского технологического университета Соруш Возоши, Деб Рой и Синин Арал опубликовали в журнале «Science» статью о циркуляции фейковых новостей. В течение 11 лет они изучали поведение 3 миллионов пользователей твиттера и 126 тысяч цепочек ретвитов. И выяснили, что у фейковой новости на 70% больше вероятность быть перепощенной. Ее распространяют абсолютно все. При этом люди реагируют на два ключевых фактора: на новизну и на страшное содержание, что вид-

но по комментариям. Чем больше было таких комментариев в стиле «О Боже, какой ужас», тем больше вероятность дальнейших перепостов.

Страх – отличный фактор, объединяющий людей. Поэтому в пионерлагерях так любили страшилки.

– Вы сами покупались на фейковые новости? Бывали такие случаи?

– Нет, у меня есть гиперкоррекция, то есть профессиональный перекося в другую сторону. Я любую информацию воспринимаю сверхкритично. Пока не проверила по трем источникам, ни за что не поверю.

«Что делать, если будет совсем плохо?» Как в изоляции накопить силы, а не тратить их на бесполезную борьбу – интервью с Витой Холмогоровой

10 апреля, 2020

Фото: «Правмир»

В самоизоляции мы вынуждены иначе общаться, работать, строить отношения с близкими. Активно общаемся онлайн – и при этом пассивны. Провели весь день на диване – и при этом устали. Приобрели новый опыт – а зачем? Экзистенциальный психолог **Вита Холмогорова** с 1996 года работает с людьми, пережившими катастрофы, теракты, трагедии. Она объяснила, что именно с нами происходит и как в этой новой жизни бороться со стрессом.

– Я все время смотрю на сводки с количеством заболевших. Это как будто свидетельство, что мы не напрасно жертвуем своей свободой и образом жизни, ситуация действительно тяжелая. То есть, получается, чем хуже, тем лучше. Как говорится – доктор, что со мной не так? Или это только со мной?

– Все наши негативные эмоции – это на самом деле ответ на разрыв между ожиданиями и реальностью. Мы абсолют-

но не понимаем, к чему готовиться. Одно дело посидеть дома недельку, ну две, ну три. Никто не предполагал, что, возможно, сидеть придется гораздо дольше.

Какие-то люди в феврале катались на лыжах, приехали и сели в карантин, когда еще никто про него и не слышал. Первые две недели они выдержали, а потом начали психологически сыпаться. У кого-то депрессия, у кого-то агрессия, у кого-то усталость. Если бы мы заранее знали, что два месяца – и я выйду, то можно было бы как-то иначе распределить ресурсы.

Здесь очень важно сразу опереться на правильные внутренние установки, сказать себе: «Ок, по каким-то обстоятельствам у меня возникло два месяца свободной жизни. Что бы я хотел с ними сделать?» Ведь свобода – это не только выйти из дома и пойти куда хочешь. У нас еще есть свобода внутреннего выбора, свобода решать, как я хочу провести эти два месяца. Этого у нас никто не отнял.

– Какая свобода у большой семьи с маленькими детьми в двухкомнатной квартире? Все раздражаются, прыгают друг у друга на голове. Как им быть?

– Я вижу по некоторым своим клиентам, что они очень быстро приспособились к новой ситуации, приняли ее как данность. А есть другие, которые с ней борются и зря тратят свой ресурс.

Допустим, человек потерял кошелек. Тут есть две модели поведения. Один будет себя грызть – да как я мог, почему

я положил все деньги в одно место и так далее. Другой расстроится, но через пять минут станет прикидывать, на чем сэкономить до следующей зарплаты. Он не тратит энергию на внутреннюю борьбу с ситуацией, а начинает из нее исходить.

Возьмем женщину, которой то ли месяц, то ли больше каждый день надо заниматься с детьми, да еще самой что-то делать на удаленке. Она может сесть и сказать себе: «Это сегодня моя жизнь. Двое детей разного возраста с разными школьными программами. Это моя реальность ближайшего времени. Как я могу распорядиться ею, чтобы прожить максимально комфортно, максимально хорошо?» И это опять задача, а задача всегда дает силы. Ты видишь цель – и к ней идешь. Как ни странно, наибольшего мужества требуют те ситуации, в которых мы можем что-то сделать, а не те, когда мы не можем сделать уже ничего.

Попытайтесь нащупать дно. Там ваша точка опоры

– У людей в одночасье рушатся бизнесы, сбиваются все прицелы, выпускники непонятно как будут сдавать ЕГЭ, учителя и ученики в стрессе от дистанционки. Просто сказать им всем: «Мыслите конструктивно» – нет, этого недостаточно. Раньше это работало, но сейчас мы все попали в какую-то абсолютно новую

ситуацию неопределенности.

– Это самый стрессовый фактор для всех нас – неопределенность.

Что делать? Здесь есть несколько моментов. Первый. Наш мозг эволюционно так устроен, что он легче сосредотачивается на негативе. Он хочет знать, где опасность, чтобы лучше защищать нашу жизнь. Поэтому в момент неопределенности мы рисуем себе апокалиптические сценарии. То есть эту защитную функцию мозга мы постоянно оборачиваем против себя.

Поэтому в ситуации неопределенности очень важно найти себе точку опоры. Когда человек падает в колодец, он не знает, сколько ему лететь, погибнет он или нет.

– Вы предлагаете ему с максимальным комфортом лететь и не думать, что там будет на дне?

– Наоборот. Для того чтобы психика могла как-то выжить, нам надо это дно ей дать.

У одного моего клиента в период финансового кризиса 2008 года была фирма по организации праздников, которая вот-вот должна была обанкротиться. У человека паника, его трясет. Я ему говорю: «Что ты еще умеешь делать?» Стали перебирать и пришли к тому, что он классно мог бы торговать чем-то простым: водкой, водой, гречкой – он хорошо умеет проводить короткие коммуникации.

Да, он творческий, артистичный человек, и торговля водкой – это совсем не то, о чем он мечтал. Но зато мы поняли,

что в самом худшем случае он не пропадет и в этой новой реальности даже будут какие-то плюсы. Например, появится больше свободного времени на семью и друзей.

Когда мы опускаемся на дно, в этом нет ничего хорошего, кроме одного: появляется опора.

Это интересный психологический феномен. Человеку ведь свойственно избегать страха. Он мучается: «Что же будет? Ой-ой-ой, лучше об этом не думать». Но иногда правильнее не отбрасывать черные мысли, а дать им ход. «Допустим, я не смогу какое-то время заниматься своей профессией. А что я еще могу сделать, если будет совсем плохо?» Когда я это представляю себе, у меня появляются силы. Потому что паника – это реакция на максимальную неопределенность.

– А если ты не знаешь, где твое дно? Вроде дальше опускаться некуда – и тут снизу постучали.

– Приведите мне пример, ведь такого не бывает. Я много работала с человеческим горем – когда была война в Чечне, были теракты, люди теряли детей. И я могу сказать: пока вы живы и относительно здоровы, всегда есть дно. Не все сразу смогут оттолкнуться от него и начать выплывать, но мы сможем хотя бы зафиксироваться и понять, что такова новая реальность. Самое гадкое в страхе – он лишает нас возможности реалистично мыслить. Поэтому очень важно понять тот минимум, который никто не может отнять.

«Все будет хорошо» и «все будет плохо» – помогут оба варианта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.